

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ИЛИ ПОВЕДЕНИЕ СТОРОН?*

*В.А. КОДАВБОВИЧ, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и государственного права Минского института управления,
В.А. КУЧИНСКИЙ, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Академии МВД Республики Беларусь*

В статье рассматриваются распространенные теоретические взгляды современных правоведов о содержании правовых отношений. С точки зрения философии на форму и содержание всех общественных явлений и практической значимости этой проблемы подвергнута критике концепция существования двух и более элементов содержания правоотношений при игнорировании их формы. Обосновывается положение о том, что юридической формой правоотношения являются субъективные права и обязанности его сторон, а содержанием — их реальное поведение по осуществлению этих прав и обязанностей. Между формой и содержанием правоотношения возможны противоречия, которые должны своевременно устраняться. Именно с этих позиций показано, почему могут возникать фиктивные правоотношения, притворные сделки, дискредитирующие рыночные отношения и препятствующие их развитию.

В советской юридической литературе впервые довольно пристальное внимание к проблеме содержания правовых отношений было обращено в 60–80-х годах XX века [1]. Это было время углубленного анализа правовых явлений с диалектико-материалистических позиций. Одним из подходов подобного анализа являлось рассмотрение правовых отношений с учетом такой парной философской категории, как содержание и форма. Однако в 90-х годах философские исследования в сфере правового регулирования общественных отношений в связи с утратой интереса к диалектико-материалистическому методу были существенно сужены. В связи с чем заметно угас и интерес к проблеме соотношения формы и содержания правоотношения, хотя нерешенность многих вопросов в этом отношении сохранялась.

Основные достижения в области определения содержания правовых отношений в указанный период были обобщены в многотомном издании «Марксистско-ленинская общая теория государства и права». Отправная идея, проводимая в этом труде, заключалась в том, что диалектико-материалистическая теория рассматривает правоотношения как реально существующие в жизни связи между конкретными людьми, а не как их отражение в нормах права, закрепляющих типические черты правоотношений. Это позволяло утверждать: «Понимая правоотношения как реальные жизненные отношения, нельзя из их содержания исключать поведение людей» [2, с.502].

Исходя из того, что содержание волевых общественных отношений всегда заключается в определенных актах поведения, обусловленного интересами отдельных людей, организаций, государства или общества в целом, многие правоведы рассматривали именно поведение, действия людей в качестве содержания правовых отношений [3]. Тем не менее, у некоторых известных авторов сложилось убеждение в том, что содержание правоотношений заключается в правах и обязанностях их участников. При этом, естественно, речь шла не о социальном, а об юридическом содержании правоотношения, то есть о специфике той формы, в которую облекается поведение его сторон [4, с.216–219]. Такая позиция обуславливалась тем, что в любом правоотношении именно содержание субъективных прав и обязанностей его участников указывает на то, каким может и должно быть их поведение.

Определенная слабость этой позиции, как ни странно, проявлялась в выдвигаемых ее сторонниками основных свойствах правовых отношений. О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский признавали за ними значения как результата правового регулирования, так и средства правовой регламентации общественных отношений («конкретизаторов требований юридических норм») [4, с.180–182, 193–194]. Действительно, если считать, что поведение сторон правоотношения соответствует их субъективным правам и обязанностям, возникающим в пределах, предусмотренных правовыми нормами, то мы имеем дело

* Статья поступила в редакцию 8 ноября 2006 года.

с фактом правовой урегулированности отношений между конкретными лицами. Если же иметь в виду, что посредством такой урегулированности индивидуализированных связей между субъектами права право воздействует на объективные (массовидные) общественные отношения, то правильным будет и то, что правоотношения являются средством (разумеется, не нормативным, а реализующим) правового регулирования. Но дело в том, что при всех обстоятельствах правоотношение может рассматриваться как в качестве результата, так и средства правовой регламентации только в том случае, если эти его свойства проявляются в реальном поведении сторон (конкретных участников правоотношения). В противном случае субъективные права и обязанности останутся бесплодной, бессодержательной формой, которая сама по себе не позволит им добиться ожидаемых благ, удовлетворения своих интересов.

Следовательно, содержание любого субъективного права, любой субъективной обязанности раскрывается через указание на те поступки (деяния), которые совершаются во исполнение этих прав и обязанностей. Ведь социальная ценность субъективных прав и обязанностей как специфических юридических категорий и как структурных элементов правоотношений заключается именно в том, что они предопределяют поведение субъектов права, придают ему целенаправленный и обеспеченный государством характер. В связи с этим в указанные годы все более крепла и развивалась идея об отнесении поведения участников правоотношений к их содержанию.

В этих условиях появилась и получила довольно широкое признание концепция двойственного содержания правоотношений. С.С. Алексеев обосновывал необходимость выделения в правоотношении юридического и материального содержания. Юридическое содержание правоотношения – это субъективные права и обязанности его сторон, а материальное содержание – это то фактическое поведение, которое управомоченный может, а правообязанный должен совершать. По мнению С.С. Алексеева, предложенная им «главная линия теоретической разработки содержания правоотношения в конечном итоге привела к определенному «синтезу» крайних точек зрения. Если отдельные авторы при рассмотрении содержания правоотношения концентрировали внимание либо на действиях (поведении) либо на субъективных правах и обязанностях, то разграничение материального и юридического содержания позволило включить в поле зрения *одинаково* (выделено *авт.*) и то, и другое» [5, с.303].

Эклектичность такого решения проблемы очевидна. Если пойти по этому пути, то почему бы не признать не только «двойное», но и «тройное»,

«четвертное» и так далее содержание правоотношения? И в самом деле, наряду с материальным и юридическим содержанием правоотношения О.С. Иоффе в свое время выделил еще и волевое (идеологическое) содержание, под которым понимал выраженную в правоотношении государственную волю [6, с.37]. Однако выделение еще третьего содержания правоотношения вызвало в литературе обоснованные возражения. Ю.Г. Басин полагал, что как объект правового исследования воля не существует в отрыве от норм либо действий участников правоотношений, в которых она также проявляется [7, с.112]. Кроме того, в правоотношении (и в субъективных правах и обязанностях, и в самом поведении сторон) сочетается воля государства и воля его участников. Без такого сочетания правоотношение не могло бы служить формой реализации права. Тем не менее, представления о «тройном содержании» правоотношения некритически воспроизводятся и в современных изданиях, в том числе учебных. В одном из них читаем: «Правовое отношение имеет *материальное, волевое и юридическое* содержание. Материальное, или фактическое, составляют общественные отношения, которые опосредуются правом; волевое – государственная воля, воплощенная в правовой норме и в возникшем на ее основе правоотношении, а также волевые акты его участников; *юридическое содержание* образуют субъективные права и обязанности сторон (субъектов) правоотношения» [8, с.490].

Не будем анализировать довольно сомнительные вышеприведенные трактовки материального и волевого содержания правоотношения, а отметим главную, с методологической точки зрения, особенность самой концепции множественности столь разнородных элементов его содержания. Во-первых, с научной (философской) точки зрения содержание всякого явления едино, оно не может состоять из разнородных частей. Во-вторых, всякое содержание должно иметь свою форму. Согласно же рассматриваемой концепции у правоотношений может быть несколько содержаний, но даже не предполагается форма. Методологическая ущербность такого подхода к выявлению содержания правоотношения очевидна.

Ощущая беспокойство по этому поводу, создатель концепции двойного содержания правоотношения С.С. Алексеев полагал: «Конечно, вопрос о «двойном» (материальном и юридическом) содержании общественных отношений нуждается в дальнейшем изучении. Во всяком случае, нужно учитывать, что с философских позиций выделение в правоотношении материального и юридического содержания является условным. Содержание каждого явления едино. Точнее было бы рассматривать материальное и юридическое в содержании правоотношения как его (содержания) «элементы» или «стороны». Кроме того, то,

что называется материальным или юридическим содержанием, с философских позиций само связано как форма и содержание (юридическая форма фактического общественного отношения, его материального содержания). Понятие «юридическое содержание» правоотношения, строго говоря, означает *содержание юридической формы* [9, с.303–304].

Следует признать, что дальнейшее исследование содержания правоотношения, о необходимости которого писал С.С. Алексеев, последовало, причем весьма интересное. Ю.И. Гревцов высказал мнение, согласно которому формой правоотношения являются субъективные права и обязанности его участников. «...Если иметь в виду правовое отношение в качестве реальной формы взаимодействия в юридической сфере, субъективное право и юридическая обязанность, их сочетание образует не содержание, а форму правового отношения» [10, с.120]. Ссылаясь на Гегеля, он продолжает: «...содержание никогда не бывает бесформенным, а форма в одно и то же время и содержится (просвечивается) в самом содержании, и представляет нечто внешнее ему. Следовательно, можно полагать, что форма правового отношения не будет понята без учета диалектического перехода в содержание и наоборот».

К сожалению, С.С. Алексеев к обозначенной позиции отнесся негативно, придав ей формальную значимость. «Но вызван ли такой взгляд только тем, что по мнению автора, при ином решении остается открытым вопрос о форме правового отношения? Если видеть в правоотношении специфическое явление, которое как форма имеет собственное содержание, то последнее не в чем ином, как в субъективных правах и обязанностях (взятых в единстве с реальным поведением субъектов), состоять не может. И хотя вопрос о форме правоотношения вряд ли может быть причислен к таким, которые продиктованы практикой и логикой познания в рамках правоведения, однако и он при подобном подходе может получить вполне удовлетворительное решение: внутренняя форма правоотношения – это его структура, внешняя – соответствующие индивидуальные акты» [11, с.113]. Но признать убедительным приведенные соображения чрезвычайно трудно. Если признать в качестве внутренней формы правоотношения все элементы его структуры (субъекты, их субъективные права и обязанности, объекты, поведение сторон), то что же тогда будет его содержанием? Непонятно также, что понимать под индивидуальными актами, которые предлагается отнести к внешней форме правоотношения, – поведение сторон или действия, влекущие возникновение, изменение или прекращение правоотношений (юридические факты)? Ни то, ни другое не может быть отнесено к форме правоотношения, даже внешней.

Но главное, пожалуй, заключается в том, что признание специфической формы правоотношения (субъективные права и обязанности сторон) и его особого содержания (поведение сторон по реализации их субъективных прав и обязанностей) имеет не только доктринальное, но и практическое значение. Ю.И. Гревцов об этом писал так: «В пользу признания юридического права и обязанности (имеются в виду субъективные права и обязанности сторон – *авт.*) формой правоотношения свидетельствует прежде всего то, что именно их сочетание, взаимная корреляция обеспечивает возможность внести в уже существующую коллективную деятельность людей элементы согласованности, упорядоченности. Порядок, способ осуществления деятельности – показатели в первую очередь формы, а не содержания явления. Кроме того, как известно, в подавляющем числе случаев то или иное поведение или взаимодействие допускается, вытесняется или строго контролируется именно через форму правового отношения, в частности, посредством регламентации способа договора сторон, из которого могут вытекать конкретные юридические права и обязанности» [10, с.120].

Тем не менее, высказанная Ю.И. Гревцовым трактовка содержания и формы правоотношения не получила в юридической литературе должного признания и развития. В основном преобладают отмеченные выше представления о «двойном» и даже «тройном» содержании правовых отношений, причем без сколько-нибудь обновленного их обоснования и без учета необходимости придания такому содержанию требуемой юридической формы. Правда, встречаются некоторые модификации трактовки «двойного» содержания правоотношений, которые скорее ее ослабляют, чем укрепляют. Так, высказывалось мнение, что содержание правоотношения действительно составляют как юридические права и обязанности, так и поведение их носителей, но с той оговоркой, что следует различать «собственное» (внутреннее, непосредственное) содержание и содержание, рассматриваемое «в единстве материального содержания и правовой формы, его опосредующей». Под первым содержанием (собственным, непосредственным) понимались юридические права и обязанности сторон, под вторым – их поведение, которое, однако, «выводится» за пределы самого правоотношения [12; 13, с.46].

Таким образом, если С.С. Алексеев различает материальное и юридическое содержание правоотношения внутри его, то Р.О. Халфина и Б.Л. Назаров полагают, что материальное содержание (поведение сторон) находится за пределами соответствующего правоотношения Р.О. Халфина утверждает, что «если трактовать правоотношение как единство материального содержания и правовой формы, то возникает новый и необходимый аспект исследования – соотношение

реального поведения участников с их правами и обязанностями. Здесь мы, естественно, выходим за пределы права» [12]. В основе такой трактовки содержания правоотношения лежит понимание его как «индивидуализированной модели» поведения субъектов права, то есть по сути дела отнесение правоотношения к праву. При таком подходе к рассматриваемой проблеме поведение участников правоотношения, признаваемое его содержанием, вопреки логике оказывается за его пределами. Грубо говоря, содержание явления «обнаруживается» вне самого явления.

При рассмотрении столь существенных расхождений в определении содержания правоотношений совершенно естественно возникает вопрос, а нет ли при таких обстоятельствах каких-то общих причин, в частности, гносеологических трудностей, исключающих или затрудняющих достижение оптимального решения проблемы? И представляется, что такие причины (трудности) могут быть обнаружены.

Если исходить из широко признанного единства в правоотношении материального содержания и правовой формы, под которыми в том или ином соотношении понимаются поведение сторон и их субъективные права и обязанности, то довольно отчетливо высвечивается одна особенность: содержанию правоотношения уделяется несопоставимо больше внимания исследователей, чем его форме. Это как раз и проявляется то в «двойном», то в «тройном» содержании правоотношения, тогда как форма самого правоотношения либо не исследуется, либо речь о ней идет в самых абстрактных выражениях. В лучшем случае под формой правоотношения понимают его структуру, причем в различных смыслах: и как связь только между субъективными правами и обязанностями участников правоотношения («формальная структура»), и как взаимодействие всех элементов правоотношения – субъектов, их субъективных прав и обязанностей, искомым благ, даже поведения сторон («функциональная структура») [10, с.122].

Если так называемая «формальная структура» правоотношения характеризует его в статическом плане, то «функциональная структура» выражает динамику, движение правоотношения, его направленность на реализацию субъективных прав и обязанностей сторон. В последнем случае

основные связи между элементами правоотношения – это связи, возникающие между взаимодействующими субъектами. Ясно, что они выйдут за рамки статической природы формы явления, в данном случае – правоотношения. Следовательно, все элементы правоотношения, кроме субъективных прав и обязанностей, с точки зрения трактовки формы как философского понятия, относиться к ней не должны, точно так же как форма явления не должна отождествляться со всей его структурой. Структура явления включает в себя все его элементы, в том числе и содержательные, динамично развивающиеся, предопределяющие форму.

Находясь на этих позициях, можно считать наиболее верным, теоретически более обоснованным и плодотворным рассматривать в качестве формы правоотношения субъективные права и обязанности его сторон. Именно они юридически оформляют интересы и волю участников правоотношений, четко определяют рамки их возможного и должного поведения, составляющего реальное содержание отношений между ними.

Если исходить из того, что субъективные права и обязанности составляют юридическую форму правоотношения, то есть его внешнее выражение, а реальное поведение сторон по их осуществлению – его содержание, то становятся понятными и объяснимыми возможные противоречия между субъективными правами и обязанностями участников правоотношения и их фактическим поведением, как это бывает между формой и содержанием любого явления. Например, содержанием правоотношения по купле-продаже является фактическая передача вещи продавцом покупателю и оплата ее покупателем продавцу. В содержание правоотношения входят также действия по предъявлению и удовлетворению взаимных претензий по поводу качества вещи, ее размеров.

Именно при таком решении проблемы становится понятным, почему могут быть фиктивные правоотношения (фиктивные браки, договоры дарения, купли-продажи и т.п.). При такой оценке соотношения содержания и формы правоотношения возможно теоретическое обоснование борьбы с фиктивными, притворными сделками, причиняющими вред обществу и компрометирующими проведение рыночных реформ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иоффе, О.С., Шаргородский, М.Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 178–183, 216–219; Сабо, И. Социалистическое право. М., 1964. С. 305–312; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 127–130; Явич, Л.С. Право и общественные отношения (Основные аспекты содержания и формы советского права). М., 1971. С. 117–122; Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973. С. 501–504; Алексеев, С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. I. Свердловск, 1972. С. 301–304; Алексеев, С.С. Общая теория права. Курс в двух томах. Т. II. М., 1982. С. 112–114;

- Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 90–99, 210–213, 305. Назаров, Б.Л. Социалистическое право в социальных связях. М., 1976. С. 46–50; Гревцов, Ю.И. Содержание и форма правоотношений // Советское государство и право. 1980. №6. С. 117–122.
2. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.
 3. Агарков, М.М. Обязательства по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 22–23; Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1954. С. 21–26; Стальгевич А.К. Некоторые вопросы теории социалистических правовых отношений // Советское государство и право. 1957. №2. С. 25–26; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., 1961. С. 127–130.
 4. Иоффе, О.С. Вопросы теории права / О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский. М., 1961. С. 216–219.
 5. Алексеев, С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. I / С.С. Алексеев. Свердловск, 1972.
 6. Иоффе, О.С. Спорные вопросы учения о правоотношении / О.С. Иоффе // Сборник «Очерки по гражданскому праву». Л., 1957.
 7. Басин, Ю.Г. Вопросы советского жилищного права / Ю.Г. Басин. Алма-Ата, 1963. С. 112.
 8. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. С. 490.
 9. Алексеев, С.С. Проблемы теории права. Курс лекций в двух томах. Т. I / С.С. Алексеев. Свердловск, 1972. С. 303–304.
 10. Гревцов, Ю.И. Содержание и форма правоотношений / Ю.И. Гревцов // Советское государство и право. 1980. №6. С. 120.
 11. Алексеев, С.С. Общая теория права. Курс в двух томах. Т. II / С.С. Алексеев. 1982. С. 113.
 12. Халфина, Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. М., 1974. С. 90–91.
 13. Назаров, Б.Л. Социалистическое право в социальных связях / Б.Л. Назаров. М., 1976.

SUMMARY

The widespread theoretical opinions about the contents of the legal relations of contemporary lawyers are considered and generalized in the article. From the point of view of philosophy on the form and contents of all public occurrences and practical importance of this problem the concept of existence of two and more elements of the contents of the legal relations at ignoring their form is subjected to criticism. The situation that the legal form of the legal relations are the subjective rights and duties of its parties, and the contents – their real behavior on realization of these rights and duties is proved. Between the form and contents of the legal relations the contradictions are possible which should in time be eliminated. From these positions is shown why the fictitious legal relations, the affected bargains which discredit the market relations and interfering to their development can arise.